

Николай Евгеньевич Какурин

Стратегический очерк гражданской войны

«Стратегический очерк гражданской войны.»: Воениздат; М.-Л.; 1926

Аннотация

***Из предисловия:** В настоящем труде автор не преследовал цели дать исчерпывающую историю гражданской войны. Он стремился дать военному читателю характерный скелет важнейших ее операций, обращая особое внимание на выявление идеи той или иной операции, способа проведения ее в жизнь и последовавших результатов. ...мы в нашем труде с особым вниманием стремились выявить внутреннее строение каждой операции, затрагивая фактическую сторону обстановки настолько, насколько это было необходимо для уяснения ее последующего хода. Исходя из этой предпосылки, в области обстановки мы опять-таки старались извлечь наиболее характерные существенные ее черты, имевшие непосредственное отношение и влияние на ход данной операции. Поэтому наш труд носит название «стратегического очерка», долженствующего дать начинающему читателю отправные вехи в изучении сложной и многогранной истории гражданской войны.*

Какурин Н. Е. Стратегический очерк гражданской войны

Об авторе.

Какурин Николай Евгеньевич [4(16).9.1883 — 29.7.1936], советский военный деятель и историк. Член КПСС с 1921. Родился в Орле, в семье офицера. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1904) и Академию Генштаба (1910). Участник 1-й мировой войны 1914-18, полковник. В конце 1918 вступил добровольцем в войска Западно-Украинской народной республики, которые после падения республики в середине 1919 присоединились к петлюровцам, а в феврале 1920 перешли на сторону Красной Армии. Во время советско-польской войны 1920 был начальником штаба дивизии, исполняющим обязанности командующего 4-й армией, командующим 3-й армией и помощник командующего Западным фронтом. В 1921, будучи начштаба Тамбовской группы войск, участвовал в разгроме

антоновщины. В 1921 на преподавательской работе, в 1922 руководил войсками Бухарско-Ферганского района в борьбе с басмачами, затем снова на преподавательской работе в Военной академии (позже — им. М. В. Фрунзе) и начальник отдела по истории Гражданской войны при Штабе РККА. Автор ряда капитальных работ по истории Гражданской войны, стратегии, тактике, воспитанию и обучению войск. Один из инициаторов создания и авторов 3-томной истории Гражданской войны (изд. в 1928-30). Награжден орденом Красного Знамени и бухарским орденом Красной Звезды 1-й степени. *Соч.*: Стратегия пролетарского государства. (Этюды), [б. м.], 1921; Современная тактика, 3 изд., М., 1927; Встречный бой, М., 1927; Как сражалась революция, т. 1-2, М., 1925-26; Русско-польская кампания 1918-1920, М., 1922; Стратегический очерк гражданской войны, М. — Л., 1926; Восстание чехословаков и борьба с Колчаком, М., 1928; Борьба за Петроград в 1919, М. — Л., 1928; Война с белополяками, М. — Л., 1930.

Какурин Николай Евгеньевич

Предисловие

В настоящем труде автор не преследовал цели дать исчерпывающую историю гражданской войны. Он стремился дать военному читателю характерный скелет важнейших ее операций, обращая особое внимание на выявление идеи той или иной операции, способа проведения ее в жизнь и последовавших результатов.

Работу автора в этом отношении можно сравнить с работой анатома, который из целого организма с особым старанием отпрепарировывает какую-либо его часть для изучения всех подробностей ее строения.

Так и мы в нашем труде с особым вниманием стремились выявить внутреннее строение каждой операции, затрагивая фактическую сторону обстановки настолько, насколько это было необходимо для уяснения ее последующего хода.

Исходя из этой предпосылки, в области обстановки мы опять-таки старались извлечь

наиболее характерные существенные ее черты, имевшие непосредственное отношение и влияние на ход данной операции.

Поэтому наш труд носит название «стратегического очерка», долженствующего дать начинающему читателю отправные вехи в изучении сложной и многогранной истории гражданской войны.

Повстанчество и бандитизм являлись также одной из характерных особенностей гражданской войны; они нуждаются в специальном исследовании под социально-политическим углом зрения, почему мы и ограничились здесь лишь упоминанием о тех явлениях в этой области, которые имели непосредственное влияние на ход операций обеих сторон, не затрагивая вопроса в целом.

Н. Какурин

Введение

Внешняя и внутренняя политическая обстановка обеих сторон во время гражданской войны.

Внешняя политическая обстановка Советской России не была одинакова в течение всей гражданской войны. Конец мировой войны внес в нее сильные изменения как в отношении появления в окружении РСФСР новых действующих политических сил в виде вновь образовавшихся окраинных государств, так и в отношении изменения удельного веса и значения государств, ранее составлявших внешнее политическое окружение РСФСР.

Последнее обстоятельство, в свою очередь, обусловило новые цели и задачи и новую линию политики некоторых из них в отношении РСФСР.

До конца мировой войны Германия, являвшаяся выразительницей внешней политики держав срединного союза, играла заметную роль в ходе гражданской войны в России; это положение у нее стремились оспаривать державы Антанты в лице Франции и Англии. После окончания мировой войны и начала революции в Германии первенствующая роль в этом отношении перешла к ним. Первоначальные цели и задачи срединных держав в отношении РСФСР определялись, прежде всего, интересами их стратегии и экономики.

Крушение военной мощи царской России заставляло их опасаться, чтобы ее территория, усилиями Антанты даже вопреки ее воле, не сделалась театром для образования нового, противогерманского фронта. Состояние их экономики требовало возможно широкого использования пространств и рынков России и Украины, как экономически-продовольственного базиса.

Средством достижения этих задач являлась оккупация, необходимых для Германии в стратегическом и экономическом отношениях, территорий. Оккупация имела своим естественным следствием уже активное участие ее вооруженных сил в гражданской войне на стороне одной из борющихся сторон, а следовательно, и непосредственное их влияние на ход гражданской войны.

Близкое соприкосновение в силу условий оккупации с различными движущими политическими силами на территории бывшей России поставило германскую политику в необходимость определить свое отношение к ним. Это отношение диктовалось теми же интересами германской стратегии выражалось в стремлении создать такое положение на территории бывшей империи, чтобы все силы на ней действующие равно испытывали ее влияние и, будучи взаимно враждебны, не могли образовать достаточно сильного объединения какой бы то ни было политической окраски.

В связи с этими общими целями германской политики, германские войска в пределах оккупированной ими полосы явились заслоном и опорой тех первых ячеек контрреволюционных вооруженных сил, которые сложились внутри и вблизи нее, как, например, вооруженные силы Донского казачества, отряды различных южных контрреволюционных армий и пр.

Таким образом, в общем и целом влияние срединных держав на ход гражданской войны в России являлось отрицательным для стратегий Красной армии.

Крах военного могущества срединных держав определил ничтожность их политического значения в новом окружении РСФСР, а следовательно, и ничтожность их влияния на ход гражданской войны, поскольку новое германское правительство в отношении внутренних дел РСФСР решило придерживаться политики полного нейтралитета.

Первоначальные цели держав Антанты в отношении РСФСР были прямо противоположны целям срединных держав. Они стремились не только не дать утвердиться в ней влиянию Германии, но вновь втянуть ее в войну с ней. Ради достижения этой цели они охотно шли даже на военное сотрудничество с Советской Россией, обещая ей помощь своих специалистов в организации армии, налаживании железнодорожного транспорта и рассчитывая в дальнейшем, путем взрыва изнутри, устранить неуютное им советское правительство.

Для достижения этих целей, опять-таки в силу условий стратегической обстановки и географических возможностей, в их распоряжении оставался пока только путь дипломатического воздействия. Дипломатия Антанты в течение первого полугодия 1918 г. деятельно работала в двух направлениях: с одной стороны, стремясь толкнуть советское правительство на новый разрыв с Германией; с другой же, тайно организуя контрреволюционные силы внутри страны и обрабатывая общественное мнение своих стран в предвидении прямого вооруженного вмешательства во внутренние дела РСФСР.

Когда же им не удалось вовлечь советское правительство в новую войну с Германией, линия политики держав Антанты в лице ее главнейших представительниц — Англии и Франции — определилась окончательно. Их конечная цель оставалась та же — образование нового противогерманского фронта с участием России и на ее территории, но теперь уже; открыто ставилась и промежуточная задача в виде низвержения советского правительства.

Средством достижения этой цели явилось вмешательство вооруженных сил Антанты (интервенция) в гражданскую войну в целях поддержки всех контрреволюционных вооруженных сил внутри страны, организация восстаний, материальная поддержка всех контрреволюционных организаций и армий. Первыми шагами на этом пути были мятеж чехословацкого корпуса внутри России в мае 1918 г., десанты Антанты на Мурманском побережье и мятежи на верхней Волге в июне — июле 1918 г.

Военная и политическая капитуляция срединных держав осенью 1918 г. сделала единственной и главной целью политики Антанты в отношении РСФСР низвержение в ней большевизма. В своих путях к достижению этой цели политика Англии и Франции несколько разошлась в течение 1919 г. Английская политика мыслила достигнуть этой цели до осени 1919 г. прямым участием своих вооруженных сил в нашей гражданской войне и материальной поддержкой всех контрреволюционных армий. Французская политика с весны 1919 г., не отказывая в материальной поддержке русским контрреволюционным силам, уклонилась от прямого участия в гражданской войне и центр тяжести своей противосоветской работы перенесла на усиление и укрепление военной мощи окраинных государств, главным образом, Румынии и Польши, в целях создания из них надежного оплота против большевизма.

Роль и значение Англии и Франции в ходе нашей гражданской войны были несравненно более значительны, хотя бы по продолжительности их участия в ней, чем Германии. Кроме непосредственного вооруженного участия, их участие в гражданской войне выразилось и в оказании значительной материальной поддержки контрреволюционным армиям, без которой было бы сомнительно их сколько-нибудь длительное существование.

Таким образом, политика Антанты в отношении РСФСР давала всей противосоветской стратегии, определенный интервенционный характер, поскольку она находила отражение в планах войны командования внутренних контрреволюционных сил.

Из этой же группировки держав Япония и С.-А. С. Штаты преследовали более ограниченные цели в отношении РСФСР.

Япония стремилась использовать состояние гражданской войны в России для установления своего преимущественного влияния на ее дальневосточной окраине. Эта политика Японии толкнула и С. А. С. Штаты на путь совместного выступления с Японией на нашей дальневосточной окраине в целях создания там противовеса ее влиянию. Вооруженные силы этих стран не приняли обширного и заметного участия в ходе гражданской войны, ограничившись оккупацией нашей дальневосточной территории, главным образом, вдоль, железнодорожных линий. Обе эти страны в течение гражданской войны явились, главным образом, поставщиками для восточных контрреволюционных армий.

Государственные новообразования на западной окраине бывшей Российской империи являлись враждебными РСФСР не по существу своих территориальных домогательств, поскольку Советская Россия охотно признавала право всякой национальности на самоопределение и выделение, а в силу классовой политики своих правительств и стремления их в достижении своих целей нарушать права тех классов и народностей, которым оказывал поддержку Советский Союз. Такова была основная причина вооруженного вмешательства в нашу гражданскую войну Польши, Латвии, Эстонии. Каждая из этих стран преследовала свои собственные цели, отличные от конечных целей русских контрреволюционных сил, почему они действовали несогласованно ни с ними, ни между собой.

Таким образом, внешняя политическая обстановка складывалась неблагоприятно для РСФСР, поскольку она находилась во время своей борьбы в полном враждебном окружении. Активность большинства участников этого окружения затрудняла положение стратегии Красной армии и требовала от нее полного напряжения сил. Острота положения смягчалась внутренними противоречиями некоторых участников окружения между собою (Япония и С.-А. С. Штаты) и с внутренними контрреволюционными силами в России (все государственные новообразования: Польша, Литва, Латвия и пр. и русские контрреволюционные правительства, стоявшие на платформе «Единой и неделимой России»).

Наоборот, стратегия противной стороны находилась в отношении внешнего политического окружения в условиях благоприятных, и они могли бы сложиться для нее еще лучше, если бы ее политика нашла путь соглашения с государственными новообразованиями (Польша, Эстония, Латвия и пр.).

Иначе складывалось положение для каждой из сторон в связи с внутренней политической обстановкой.

Здесь соотношение внутренних движущих сил сложилось целиком в пользу советской стратегии, поскольку наиболее активной силе русской революции, — пролетариату — благодаря мудрой политике его правящей партии в лице РКП (б) удалось обеспечить за собой поддержку и союз многочисленной массы тяжелых резервов в виде многомиллионного середняцкого и бедняцкого крестьянства.

Позиция пролетариата в союзе с крестьянством еще более укрепилась, когда, благодаря разумно разрешенному национальному вопросу, в общереволюционное русло были вовлечены и многочисленные национальные меньшинства бывшей империи. Коренная же ломка старых социальных и экономических отношений дала возможность подвести прочное основание под советское строительство, выбив почву из-под ног у противников советской власти.

Как ни была мала база в населении у контрреволюционных правительств, они своими мероприятиями в области земельной, экономической и социальной политики поспешили сами оттолкнуть от себя все колеблющиеся элементы, показав им слишком явно лицо реставрации, в сторону которой все они ранее или позднее скатывались.

Слабость внутреннего положения контрреволюционных правительств увеличивалась еще противоречиями между теми из них, которые преследовали разные цели во внешней политике и соперничеством даже между правительствами, стремившимися к одним и тем же

целям.

Так, Украинская директория, стремившаяся к самостоятельности Украины, находилась во враждебных отношениях с прочими контрреволюционными правительствами юга России, и дело дважды доходило до вооруженных столкновений между силами тех и других. Правительства казачьих областей с трудом выносили гнет экстерриториального правительства «вооруженных сил юга России», опиравшегося на штыки добровольческих армий. Это последнее, в свою очередь, только формально признавало власть «верховного правителя», адмирала Колчака, пребывавшего в Сибири, желая идти своим путем в области внешней и финансовой политики. Наконец, окраинные казачьи атаманы Семенов, Калмыков, Анненков и др. не признавали ничьей власти, кроме своей собственной.

Оттолкнув от себя все слои населения своей внутренней политикой, контрреволюционные правительства не сумели в своей внешней политике, как мы уже упоминали, наладить своих взаимоотношений и с вновь возникшими окраинными государствами. То и другое неблагоприятно отражалось на положении стратегии контрреволюции. Она лишена были тех обильных внутренних источников пополнения, которыми располагала советская стратегия, и не могла рассчитывать на боевое сотрудничество вооруженных сил окраинных государств.

Таким образом, советской стратегии во время гражданской войны пришлось действовать в окружении внешней и внутренней враждебных коалиций. Отсутствие взаимного единства между различными членами враждебных коалиций, внутренняя слабость отечественной контрреволюции в значительной мере облегчили это невыгодное на первый взгляд ее положение.

Глава первая

Краткий обзор театров военных действий и их общая характеристика. — Организация Красной армии и ее военного управления. — Вооруженные силы иностранных государств. — Вооруженные силы внутренней контрреволюции.

Пространственность территории, охваченной гражданской войной, определила наличие нескольких главных и второстепенных театров военных действий.

Военные границы театров военных действий довольно близко совпадали с теми границами, которые ныне установил Госплан при районировании СССР.

Таким образом, северный театр военных действий образовали северозападный и северо-восточный районы СССР. Восточный театр военных действий охватывал Вятско-Ветлужский и Уральский край, Средне-Волжский и Юго-Восточный районы. В Южный театр военных действий вошли бассейны среднего Днепра, Днестра и Южного Буга, южная горнопромышленная область в бассейне нижнего Днепра, нижнее течение Дона и Крым.

Все эти три театра оперативно тяготели к Центральному театру, лежавшему в пределах Центрально-Промышленного района и заключавшему в себе цель всех вожделений контрреволюционных полководцев — революционную столицу Москву.

Стратегическое значение трех вышеупомянутых театров заключалось в том, что через них проходили главнейшие сквозные пути вторжения в пределы Центрального театра, что и определило их первостепенное военное значение. Северный театр не мог приобрести этого значения в силу его климатических и физических условий, а также значительной его отдаленности от жизненных революционных центров.

Кроме того, в силу чисто политического признака значение главного театра принадлежало небольшому по размерам Северо-Западному театру, в который входил Петроградский район с крупнейшим революционным центром — Петроградом.

Украина в силу общей стратегической обстановки, сложившейся в эпоху гражданской войны, тяготела частью к Южному, частью к Западному театру и не сохранила значение

самостоятельного театра военных действий в продолжение всей гражданской войны. Но зато Западный театр, лежавший в бассейне рр. Двины и верхнего и среднего Днепра, с его правыми притоками, обладал всеми необходимыми предпосылками для такового и сделался им в 1920 году во время советско-польской войны 1920 г.

Наконец, Северный Кавказ, в силу своей удаленности и плохой связи с революционными центрами, в течение всей гражданской войны сохранял свое местное значение, подобно Туркестанскому, Закаспийскому и Дальне-Восточному театрам.

В зависимости от перемен в политической обстановке и успехов той или другой стороны на каждом из главных театров, удельный вес и преимущественное значение каждого из них также видоизменялись, и вся гражданская война прошла под знаком преимущественного значения для советской стратегии то Южного, то Восточного театра.

Наконец, в октябрьские дни 1919 г. наравне с значением Южного театра встало и значение Северо-Западного театра, когда северо-западная контрреволюционная армия сделала отчаянную попытку овладеть г. Петроградом.

Характерным общим признаком всех театров являлась их равнинность. Лить в пределах Восточного театра длинная (1.200 км) гряда Уральских гор до известной степени должна была стеснить оперативную свободу войск обеих сторон, сосредоточивши их усилия к заранее определяемому местными условиями участку, лежавшему между параллелями (географическими) гг. Златоуста и Перми.

Горы Кавказского театра не могли проявить своего влияния на ход военных действий, поскольку главнейшие операции протекли в его равнинной части.

Своеобразие местных и климатических условий (сплошной лесисто-болотистый характер местности, бездорожье, сильная распутица весной и осенью, суровые холода зимой, безлюдье) наиболее сильно сказывались на второстепенном Северном театре, сильно влияя на оперативную свободу войск, действовавших на нем.

Все прочие театры в отношении условий передвижения, расположения, снабжения и климатических условий являлись вполне пригодными для ведения боевых операций в обширном размере.

В отношении классового состава населения и его политической идеологии для советской стратегии наиболее благоприятно складывались условия в Центральном и Северо-Западном театрах, благодаря наличию в них организованного и политически закаленного многочисленного пролетариата, а также полупролетаризованного, малоземельного крестьянства этих театров. Южная часть Центрального театра и северная и северо-восточная части Южного театра давали почти исключительное преобладание крестьянства, в среде которого сказывалось влияние эсеровской идеологии. Средний Урал, в районе которого протекли важнейшие боевые операции обеих сторон, характеризовался политической неустойчивостью его населения на почве совпадения производственных и земельных интересов в среде рабоче-крестьянских масс Урала, что делало их доступными эсеровской пропаганде.

Эта неустойчивость была изжита лишь в течение кампании 1918 г.

Казачьи области Южного театра характеризовались расслоением крестьянства и казачества на почве неравномерного распределения между ними земли, служившего причиной и экономического неравенства между ними. Первое, малоземельное или вовсе безземельное, составлявшее около 50% всего населения, тянуло в сторону советской власти, второе, особенно в лице своих зажиточных слоев, являлось опорой контрреволюции. Такое же положение было на Кубани и в прочих казачьих областях.

Население Украины в классовом отношении представляло ту особенность, что рабочий пролетариат, преимущественно не принадлежавший к коренному населению страны, сосредоточивался в крупных городских центрах, а также в районе рудников и шахт (Донбасс); коренное же население страны состояло из крестьянства, весьма разнородного в экономическом отношении, при чем мелкобуржуазный кулацкий элемент, поддерживавший национально-шовинистические стремления мелкой буржуазии и интеллигенции, местами

значительно вкраплялся в общую массу крестьян бедняков и середняков.

Общей особенностью всех театров являлось преобладание сельского населения над городским, что по данным переписи 1897 г. выражалось в цифрах — 86,5% для сельского населения и 13,5% для городского. В среде городского населения по численности и организации преобладал рабочий класс, а в среде сельского населения преобладала многочисленная масса среднего крестьянства.

Таким образом, под классовым углом зрения состав населения в общем был благоприятен для советской стратегии; в наиболее жизненных для контрреволюции районах, т. е. в казачьих областях, советская власть могла рассчитывать на сочувствие и поддержку по крайней мере половины; их населения.

В отношении местных средств все выгоды были первоначально на стороне противника, располагавшего источниками добывающей промышленности и земледельческими районами, тогда как советские войска группировались в районах обрабатывающих и потребляющих.

Общей особенностью всех театров в дорожном отношении являлась их сравнительная бедность искусственными путями сообщения. В более благоприятных условиях в этом отношении находился Центральный театр. Вслед за ним шел Западный театр и затем Южный. В более неблагоприятных условиях находились Восточный и Северо-Кавказский театры и, наконец, хуже всего обстояло дело в этом отношении на Северном театре.

Исходя из политических целей стратегии противной стороны, а именно «борьбы с большевизмом до его окончательного уничтожения», ее операционные направления шли из районов первоначального образования контрреволюционных армий к жизненным центрам революции — революционным столицам — Петрограду и Москве.

Операционные направления контрреволюционных армий не всегда отвечали признаку краткости и выгоды.

Так, командование колчаковскими армиями за главное операционное направление избрало более длинное, проходившее по неудобной местности и выводившее к сравнительно маловажной цели, направление Екатеринбург — Пермь — Вятка — Вологда, в надежде на соединение с войсками Антанты, оперировавшими от Архангельска на Вологду, без учета всех местных условий. На выбор этого направления оказали влияние и чехо-словаки, надеявшиеся скорее достигнуть родины через наши северные порты. Лишь при своем втором большом наступлении Колчак, и то случайно, под давлением обстановки перенес центр тяжести своих оперативных усилий на действительно важное операционное направление Уфа — Самара, но слишком поздно для того, чтобы надеяться на решительный успех.

Командование вооруженными силами Юга России для своего вторжения в центр лагеря революции располагало четырьмя операционными направлениями приблизительно равноценными в смысле длины и достижения важных целей. Восточные из них представляли для него ту выгоду, что сближали в пространстве ударный кулак его армий с контрреволюционными силами Восточного фронта, что могло повести к установлению оперативного взаимодействия обоих белых фронтов.

Однако, генерал Деникин первоначально пренебрег этой выгодой, избрав для приложения своих главных усилий более западные операционные направления.

Операционные направления на Западном театре в тот период гражданской войны, который мы описываем, имели исключительно местное значение, направляясь к местным крупным политическим и промышленным центрам.

Географические условия Северного театра определили выбор одного и того же операционного направления командованием обеих сторон, проходившего вдоль линии Архангельской железной дороги.

Учтя все условия местности и стратегическое положение; советское командование остановилось на Восточном театре на тех операционных направлениях, которые выводили его в наиболее доступную часть Уральского хребта и вместе с тем на тылы пермской группы белых.

На Южном театре советское командование могло воспользоваться теми же четырьмя операционными направлениями, которые представлялись и для противника. Но в противоположность им западные операционные направления, шедшие через Донецкий бассейн представляли для советской стратегии большую выгоду по классовому признаку, так как, являясь более короткими, они проходили по территории, населенной крестьянством и пролетариатом; однако, в кампанию 1919 г. первоначально предпочтение было отдано более восточному направлению, проходившему по линии наибольшего сопротивления для советских войск через казачью территорию Донской области, что в дальнейшем потребовало перенесения центра тяжести советских сил на харьковское направление.

В пользу советской стратегии в начальный период войны пошла пространственность театров, дав ее силам, формировавшимся внутри страны, необходимый выигрыш времени для своей организации вне непосредственной близости от линии фронтов.

В отличие от всех прочих войн вооруженные силы обеих сторон образовывались и развивались не предварительно, а во время самой войны.

Красная армия не могла использовать полностью ни старого военного аппарата в силу его малой приспособленности к новым условиям, ни старой армии в силу ее разложения и последовавшей демобилизации; лишь отдельные отряды последней приняли некоторое участие в операциях начального периода войны.

Поэтому творчество вооруженных сил революции должно было охватить собою не только создание живой вооруженной силы, но и аппарата ее управления.

В этих двух направлениях и развивалась работа народного комиссариата по военным делам, приобретая тем больший размах, чем более сложные задачи перед ней выдвигала боевая обстановка.

В процессе своего роста Красная армия прошла через период добровольчества к организации на началах общеобязательной военной службы, сохранив в обоих случаях свой классовый характер.

Начало Красной армии было положено декретом Совнаркома от 15 января 1918 г., при чем в основу ее комплектования положено Начало добровольчества и создана «Всероссийская коллегия по формированию Рабоче-Крестьянской Красной армии».

Параллельно и почти одновременно, а именно 26 января 1918 года революционная ставка (бывшая ставка верховного Главнокомандующего мировой войны) издает свою инструкцию по формированию Красной армии.

Революционная ставка центр тяжести работы переносит на местные советы, наделяя их весьма широкой самостоятельностью, но не предусматривая увязки их работы в общегосударственном масштабе и законченных организационных форм вооруженной силы (основной единицей устанавливалась рота в 150 человек).

Плодом творчества Местных советов и ревкомов, проявивших большую самостоятельность, и в организационном отношении являются те разнотипные войсковые соединения, которые, перемешавшись с таковыми же, возникшими из развалин старой армии, образовали «завесы», обеспечившие формирование первых регулярных частей Красной армии.

Необходимое единство в дело вносится образованием 1 марта 1918 г. Высшего Военного Совета, назначением которого является организация борьбы на внешнем фронте против наступающих германцев и общее руководство организацией Красной армии.

ВВС¹ упорядочил, прежде всего, организацию «завес», введя штатную организацию существовавших отрядов и приступил к реформе местного военного управления. Она выразилась в создании новых органов учет-но-административного характера в виде окружных, губернских и т. д. до волостного военных комиссариатов. В задачи этих комиссариатов входила также организация вооруженных сил и ответственность за допризывную подготовку населения (декреты Совнаркома от 8 и 20 апреля 1918 г.).

¹ В дальнейшем мы будем употреблять это сокращение. Н. Какурин.

Попутно создан типовой штат высшего организационного соединения в виде трехбригадной дивизии с необходимым количеством прочих родов войск.

В течение лета 1918 г. закладываются ячейки центральных оперативного и административно-хозяйственных; военных аппаратов (Оперативный отдел при наркомвоене, Всеро-главштаб, Центральное управление снабжения и пр.).

Когда нарастающее напряжение гражданской войны потребовало от страны новых усилий, во главе всех этих органов стал образованный декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «Совет рабоче-крестьянской обороны». Он объединял работу всех ведомств в области продовольственной, транспортной и военно-промышленной, что повлекло за собой в сущности милитаризацию этих отраслей государственной жизни. Работа по организации оперативных органов управления была завершена образованием 2 сентября 1918 г. «Революционного Военного Совета Республики», объединившего в себе административные и оперативные функции по управлению всеми вооруженными силами республики; исполнительным оперативным органом последнего являлся «Полевой Штаб РВСР», образованный 1 ноября 1918 г.

Все указанные мероприятия создали те прочные рамки, в которые должны были влиться первые укомплектования армии на основе обязательной военной службы.

Потребность в переходе к обязательной военной службе назрела тогда, когда начал выясняться тот размах, который должна была принять гражданская война. Добровольчество не могло удовлетворить всех ее потребностей. Формирование армии на добровольческих началах подвигалось медленно и далеко не равномерно.

Отсутствие твердых организационных рамок и малая сколоченность добровольческих частей отражались отрицательным образом на их дисциплине и боеспособности; под видом добровольцев в Красную армию вступало значительное количество деклассированного элемента, чуждого каких-либо высоких идейных побуждений и политической сознательности, и смотревшего на войну как на Источник личной выгоды.

Все это являлось привходящими обстоятельствами, которые могли бы быть устранены последующей работой, но главной причиной являлось несоответствие сил, выставленных страной по добровольческому принципу, тем задачам, которые перед ними намечались уже летом 1918 г.

Действительно, опыт полугодичного формирования Красной армии по добровольческому признаку к июлю 1918 г. дал только 116 000 (за округлением) пехоты, 7 900 (за округлением) сабель. Первым опытом перехода на общеобязательную воинскую повинность был призыв под знамена декретом ВЦИК всех рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, а также рабочих Петрограда и Москвы.

26 июня 1918 г. наркомвоен тов. Троцкий вошел с представлением в Совнарком об установлении всеобщей воинской повинности трудящихся и о привлечении соответствующих возрастов буржуазных классов в тыловое ополчение, чем сохранялся классовый признак в армии, организуемой на началах общеобязательной воинской повинности. Декретом от 29 июля все военно-обязанное население страны в возрасте от 18 до 40 лет было взято на учет и установлена военно-конская повинность.

Принятие принципа обязательности военной службы отразилось, прежде всего, на быстром росте вооруженных сил революции.

По данным на 15 сентября 1918 г. в Красной армии числилось уже 452 509 человек, не считая тыловых войск и войск Вспомогательного Назначения, исчисляемых в круглых цифрах в 95 тысяч человек.

Осенним призывом 1918 г. эту цифру предполагалось увеличить еще на 300 тысяч человек, при чем к началу 1919 г. учитывалась уже необходимость подготовки обмундирования и снаряжения на 1 миллион человек. В течение 1919 и 1920 гг. численность Красной армии непрерывно возрастала, достигнув цифры 5 300 000 человек в 1920 году.

Насыщение фронтов гражданской войны живой силой потребовало развития аппарата